

В. И. Марков
доктор культурологии, профессор
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ПАРАДОКСЫ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Каждое деяние исторического масштаба явно или неявно опирается на некую совокупность (не обязательно – систему) философских представлений о мире, месте человека в нем, о социальных процессах. Без выявления подобной философской основы невозможно сформулировать корректные в научном отношении оценки такого деяния.

Идеология предлагаемой в настоящее время реформы образования, формально основанной на подписании Болонской декларации, также имплицитно содержит в себе определенные специфические пространственно-временные представления, в выявлении парадоксальной сущности которых и состоит суть данной работы.

Методология анализа будет при этом опираться на идеи о системно-структурированной организации социального мира, включающего во многом еще формирующуюся систему планетарной культуры, системы государств и надгосударственных и наднациональных культурных миров человечества (христианский, исламский миры). Сфера образования является с данной точки зрения подсистемой в рамках одной из указанных структурообразующих единиц. Такое видение позволит применить для исследования заявленной проблематики уже достаточно разработанные закономерности организации, функционирования и развития систем, а также системных взаимодействий.

Принципиально важным для понимания сути рассматриваемых процессов является также, с точки зрения автора, сущностное различие терминов «глобализация» и «глобализм». Глобализация полагается при этом совокупностью объективных тенденций, сближающих народы во всех сферах жизни. Однако реальной исторической формой глобализации является на современном этапе глобализм как сознательная политика использования этой объективной тенденции в интересах господства (политического, экономического, культурного) определенной группы стран. Тогда сближение оказывается унификацией, подгонкой развития под единый образец. В результате глобальная культурная и геополитическая ситуация, которая в принципе неразделима, характеризуется наличием основных векторов сил: подспудной объективной направленностью к глобализации, оседлавшей глобализацию политикой глобализма, и, наконец, естественно нарастающим в этих условиях сопротивлением такой форме глобализации в лице поднимающегося национализма, религиозного фундаментализма, терроризма.

Вне этого общего фона рассмотрение любых, в том числе и образовательных, проблем, на наш взгляд, не только некорректно, но и утопично. С этой точки зрения все разговоры о постиндустриальном, информационном и т. д. обществе, не учитывающие данные моменты современной картины мира, служат фактически только наивным прикрытием реального глобализма.

Ряд содержательных установок, зафиксированных как в официальных документах, так и в публичных выступлениях адептов реформы, позволяет произвести реконструкцию понимания современного социального пространства, лежащего в основе данных преобразований.

Такие постоянно прослеживающиеся моменты реформенной риторики, как разговоры о едином мировом (обычно имеется в виду европейское) образовательном, информационном и т. д. пространстве, понятие личностной мобильности, обеспечиваемой дипломом международного образца, как одна из целей преобразований, требование полной открытости общества, необходимой для вхождения в единый современный мир, – все это позволяет восстановить пространственный образ современности, стоящий за данными постулатами.

Во-первых, это абсолютно единый, неразделенный внутри себя, гомогенный мир, в котором все действующие субъекты стремятся к бескорыстному слиянию в интересах процветания человечества. Если и допускается, что все обстоит не так уж идеально, то тут же следует пожелание, что должно быть иначе, и процессы глобализации должны удовлетворять противоположным требованиям сохранения, допустим, национальной самобытности при наблюдаемом стирании любых культурных различий. Логически это означает, что долженствование в данном случае играет роль иллюзорного преодоления реальных противоречий.

При введении вместо этой лубочной картины представления о реальной разделенности современного мира, как арены жесточайшего противоборства во всех областях, мы увидим, что та же мобильность будет иметь совершенно явные и негативные для страны следствия. Подобная мобильность в нынешних условиях станет лишь ускорителем утечки человеческого капитала, точно так же, как далеко не идеальные экономические условия способствуют утечке капитала обычного. «Импорт мозгов» давно стал, например, для США значимым и хорошо финансируемым направлением государственной политики. При реализации такой реформы наша бескорыстная помощь другим странам станет весьма осязаемой, но на благодарность при этом надеяться не приходится.

В этом аспекте важны еще два момента. Во-первых, речь идет, по сути, о модели, которая уже реализуется в судьбах детей нашей политической и бизнес-элиты. Ведь они почти все учатся за рубежом. И «возвращенцев» среди них – ничтожный процент. Теперь нам предлагают повторить этот эксперимент в массовом масштабе. Далее характерна сама метафора о «вхождении в мировое образовательное пространство». Не говоря уже о том, что такового на сей день попросту не существует, а Болонская декларация на самом Западе понимается скорее как протокол о намерениях, и даже в конечном итоге должна привести лишь к примерному согласованию образовательных технологий и процедур, стоит обратить внимание на глагол. Именно «войти», а не укрепить связи, не присоединиться. Такая формулировка скрыто проводит мысль, что где-то рядом существует этот чудесный мир, в котором мы или никогда не были, или же вышли из него. Это тоже идеологическая подтасовка, поскольку мы никогда не выходили из мировой культуры, и несколько волн нашей эмиграции наглядно продемонстрировали весомость отечественных дипломов, знаний и умений на мировом уровне.

Столь же странными представляются и заложенные в реформе представления о пространстве самой России. Оно тоже рисуется как абсолютно однородное и гомогенное, без деления на периферию и центр. Именно поэтому неоднократно на самых высоких уровнях звучала мысль о необходимости оставить только ряд «лучших» вузов, дающих образование на уровне «мировых стандартов». В этом просвечивает знакомый взгляд «из Садового кольца», не замечающий остальную Россию. Ведь и сейчас МГУ, например, никто не упрекнет в отсталости. Этот самый мировой уровень там давно реализован. Но кто видел выпускников МГУ, работающих, допустим, в сибирской глубинке? Это ред-

чайшее исключение. Если же оставить только немногие ведущие вузы, то кто обеспечит кадрами всю огромную Россию? Получив «мобильность», эти «продвинутые» выпускники или уедут за рубеж, или осядут в Центре. А «глубинка» опустится еще глубже.

Наконец, стоит вспомнить и о том, что Россия – страна многонациональная и многоконфессиональная, разделенная по этнокультурным признакам. Это одна из важнейших характеристик ее социокультурного пространства. На протяжении веков, так или иначе, была выстроена определенная культурная иерархия, включающая русское начало в качестве системообразующего стержня, окруженного многообразием других компонентов российской культуры. Данная же реформа несет в себе новую, чуждую систему ценностей, подрывающую все авторитеты и нарушающую сложившееся равновесие. Последствия для сохранения национального мира могут оказаться непредсказуемы. Например, для исламской части населения замена привычно терпимых русских стандартов культуры на явные западные может оказаться неприемлемой, что еще обострит этноконфессиональные противоречия в стране. Ведь недаром говорится, что один телевизионный показ парада геев в Европе есть лучшее средство для вербовки новых сотен террористов в странах Востока.

В идеологии реформы четко прослеживается также давно уже сомнительное с научной точки зрения прогрессистское представление о линейном течении исторического времени, о едином «пути прогресса», на котором одни народы ушли далеко вперед, а другие должны их догонять. Это безальтернативное видение эволюции культуры находится в явном противоречии и с кризисными (демографическими, например,) явлениями в этой «передовой» части человечества, и с достаточно общепринятой идеей глобального кризиса человечества, который вынуждает всех искать новые пути развития. Принцип «догоняющей модернизации» заложен в фундаменте реформы. Догонять, кстати, предлагается группу стран, специалисты которых сами утверждают о наличии кризиса в образовании.

Реформационные декларации обнаруживают также непонимание соотношения между собственным, внутренним, временем системы образования и временем социума в целом. Образование существует здесь и сейчас, но «плоды просвещения» зреют долго и определяют жизнь страны на десятилетия вперед. Поэтому ориентировать структуру, направленность, содержание образования только на сиюминутные нужды рынка, считать определяющим в постановке задач сфере образования запросы сегодняшних работодателей и «запросы рынка» – это значит не понимать самой сути и роли образовательной системы. Сам рынок на сегодняшний день уродлив, инновационные моменты в нем занимают ничтожное место, потребности в трудовых ресурсах тоже искажены переходным состоянием экономики. Учитывать сиюминутное, конечно, надо, но нельзя считать это главным, решающим фактором. Мы и так уже заполнили страну экономистами и юристами, которые в 90-е годы действительно требовались в массовом порядке, а теперь тоже в массовом порядке вынуждены переучиваться. Надо смотреть вперед, иначе система образования, если она не будет работать с опережением, то есть на основании серьезных научных прогнозов, окажется вечно отстающей от динамично развивающихся потребностей страны. Никакое развитие непрерывного образования не отменит того факта, что фундаментальные основы все-таки закладываются в молодости, в период обучения в вузе. Значит, мы ответственны перед студентами в том, что должны дать им знания и компетенции на годы вперед.

Наконец, необходимо учитывать и собственные темпоральные характеристики системы образования. В данном случае речь идет о стремлении одним махом, за считанные годы, преобразовать работу этой важнейшей и весьма консервативной по своей сути области деятельности. Собственно говоря, логическая цепочка преобразований должна начинаться с Учителя, с подъема его роли и статуса в обществе, с наполнения его созна-

ния инновационными технологиями. Именно так, с возвышения Учителя, начинал свои успешные преобразования канцлер Бисмарк. Только потом можно ожидать серьезных плодов в изменении технологий обучения и воспитания, в изменении образа студента. Сейчас же все фактически начинается с бюрократии – с новых стандартов, требований, приказов. А учитель вынужден принаравливаться к потоку все новых указаний, зачастую изображая инновационную активность хотя бы потому, что не только материальное положение вынуждает его работать везде, где можно, но и часовая нагрузка делает его не творцом, но участником конвейерного производства.

В заключительной части содержательного анализа представлений о пространстве и времени, заложенных в философский фундамент реформ, зададимся вопросом: «Являются ли эти представления просто неким случайным набором идей, или же они есть часть более общей системы идеологии?» При такой постановке проблемы становится ясно, что мы имеем дело с радикальным неолиберализмом в том виде, как он преподносился России в 90-е годы в качестве единственно верного учения. Идеология образовательной реформы отстала на 10 лет от изменений в стране, в сознании ее властной элиты. В экономике и политике под давлением реальности наше государство все более отходит от мифов и иллюзий той поры. Оказалось, что этот «открытый» единый западный мир, во-первых, отнюдь не ждет нас с распростертыми объятьями. Во-вторых, выйти на оперативный простор (а это действительно необходимо) можно только в качестве сильного партнера, слабых в этом мире не любят и не терпят. Соответственно, геополитическая логика требует в этом случае не полной открытости, а сочетания открытости и закрытости, отстаивания интересов великой державы. Получается, что идеологическая основа реформы, отражающая надежды 90-х гг., уже устарела. Полная открытость, оптимизм слияния с мировым сообществом, – все это уходит в политику и экономике. Мир оказался гораздо более жестким, чем казалось либералам 90-х. Повышение качества образования как наиболее часто декларируемый принцип реформы должно базироваться на своих критериях, измеряться собственной мерой, согласованной с прогнозом развития страны, принимаемым большинством общества. А не на мифических «международных стандартах».

Было бы понятно, если бы преобразования соответствовали хотя бы экономической логике и были нацелены на формирование конкурентноспособного человеческого капитала, позволяющего привлечь инвестиции извне, сделать нашу систему образования сферой прибыльного международного бизнеса. Но даже с этой точки зрения приходится констатировать, что такое реформирование скорее обеспечит дальнейшее ускорение утечки этого человеческого капитала. Для реализации подобной экономической цели по общим рыночным принципам мы должны выйти на международный рынок образовательных услуг с уникальным товаром, обеспечивающим нам захват определенного сегмента этого рынка. Естественно, это способствовало бы и повышению политического статуса страны, ее роли на международной арене. Подражатели, плетущиеся в хвосте, никому не нужны. И лишь тщательный анализ наших возможностей, особенностей, преимуществ может обеспечить нужные позиции в данной сфере.

Реформы должны не столько догонять, сколько опережать события, структурировать будущее. Важным является соответствие общественным настроениям, сознанию, потенциалу и ресурсам, объективным интересам общества. И главное – соответствие реальному вектору развития (его прошлому, то есть традиции, настоящему с его ресурсами и потребностями, будущему – как тщательно выверенному прогнозу).

Именно в этом направлении и необходимо менять, адаптировать реформу. Реформы не зависят только от желаний реформаторов, начавшись, они становятся объективным процессом, приводящим в силу их общественной коррекции к совсем другим, часто неожиданным результатам. Задача – не отвергать преобразования, а преобразовывать саму реформу, подчиняя ее действительным нуждам общества, необходимости модернизации.

Обе другие логики: фундаменталистское отвержение с порога или же послушное исполнение заданного урока, основанное на психологии «троечников» – списать у соседа, ведут в тупик.

Значит ли все вышесказанное, что автор – ярый противник реформ в образовании? Отнюдь нет. Кризисные явления в системе образования и социализации личности характерны для всего мира. Догонять действительно нужно. Только догонять не выдуманный идеальный мир, а собственные технологические, экологические, информационные и другие возможности человечества, которые в настоящий момент не могут быть полностью реализованы в силу отставания человеческого фактора.